

КОСТОМУКША

Гидросамолет сильно болтало воздушными потоками. Иногда машина стремительно проваливалась в воздушную яму, и в животе все замирало. Внизу свободно раскинулась девственная тайга. Между грядами холмов, заросших сосной, блестели на солнце цепочки озер. Салатная зелень болот с чахлым редколесьем простиралась на многие километры.

Макс позвал меня к своему иллюминатору и показал вниз. Вдоль опушки леса бежал медведь, напуганный шумом двигателя. Было отлично видно, как из-под его лап вылетают комья грязи. Параллельно нашему курсу летела пара лебедей. Громадный лось бросился в озеро и, грудью подняв бурун, поплыл на другой берег.

От созерцания природы нас отвлек летчик. Он обернулся и что-то прокричал Максу. За оглушающим ревом двигателя слов было не разобрать. Думая, что летчик хочет обратить наше внимание на местные красоты, Макс поднял вверх большой палец. Летчик посмотрел на меня и снова что-то прокричал. Я ничего не понял, но на всякий случай тоже улыбнулся и прокричал в ответ:

– Все просто великолепно!

В этот момент неожиданно наступила полная тишина. До меня дошло, что остановился двигатель, и гидроплан сейчас рухнет на землю. Так вот что хотел сказать нам летчик, мотор вышел из строя! Интересно есть ли у них парашюты?

В тишине, нарушаемой порывами ветра за обшивкой самолета, раздался спокойный голос летчика:

– Мужики, спички есть?

Сигарета в пальцах летчика совершенно не дрожала.

«Вот это самообладание», – подумал я, судорожно шаря по карманам в поисках спичек, и, на всякий случай, мельком оглядывая салон в поисках парашютов.

Макс щелкнул Триплексом. Летчик прикурил от зажигалки и, не спеша, затянулся табачным дымом.

«Неплохо придумано – закурить перед смертью», – оценил я выдержку летчика. От страха неминуемой гибели мне стало нехорошо.

Макс тоже закурил и непонятно к чему ляпнул свое любимое «о' кей».

Летчик сделал неторопливую затяжку, развернулся и щелкнул тумблером на панели управления. Двигатель взревел, набирая обороты.

Макс, как ни в чем не бывало, угостил меня сигаретой и прокричал в ухо, что за свою геологическую жизнь уже третий раз нарывается на эту летнюю хохму со спичками.

Гидроплан снизился и полетел над самым лесом, едва не задевая поплавками за кроны высоких темных елей. Неожиданно впереди блеснуло озеро. Машина резко пошла вниз и полетела над самой водой. Другой берег приближался, на мой взгляд, слишком быстро. Поплавки коснулись воды, пилот включил реверс и самолет остановился в двадцати метрах от камышей.

Мы в темпе накачали резиновую лодку и перевезли груз на берег в несколько заходов. В это время летчики, стоя на поплавках, размахивали спиннингами и одну за другой таскали из воды щук.

Закончив разгрузку и побросав вещи на пологом берегу, мы разлеглись на травке перекурить. Гидросамолет развернулся и взлетел. Вторым рейсом должны были прилететь члены нашего отряда и остатки груза.

С местом высадки нам повезло, лагерь можно было разбить прямо здесь на берегу. Макс, исполнявший по совместительству обязанности радиста, объявил, что наша палатка должна стоять на вершине небольшого холма, так чтобы антенна радиостанции была как можно выше.

Снова прилетел гидросамолет, и мы перевезли на берег остатки груза. Дружно поставили лагерь. Старший геофизик Женя, которому накануне подарили на день рождения спиннинг, зашел по колено в воду и забросил блесну. Щука схватила приманку с такой резвостью, что вырвала из рук именинника драгоценный подарок. Это была зеленовато-рыжая, пузатая рыбина, с большой головой, килограмма на три весом. Через несколько забросов блесну схватила щука поменьше.

На обед сварили отменную уху.

Вечером был костер и песни под гитару. Оказалось, что начальник в суматохе погрузки забыл на базе флягу со спиртом. И даже Макс, всегда имевший в зачатке спиртное, в этот раз понадеялся на начальника. В результате, алкоголя не было ни капли, даже на случай простуды или плохой погоды.

Спать отправились в час ночи. Макс поленился развесить марлевый полог от гнуса. Он крутился в спальнике, пытаясь укрыться от кровососов. Ночи были светлые и помимо комаров наседали мошка и даже мокрец.

В спальник залезть – слишком жарко. Лежать в одном вкладыше тоже невозможно – комары хоботками свободно протыкали ткань. Мошка набивалась в любую даже маленькую щелку и кусалась так, что хоть кричи.

Макс вертелся, сопел, чертыхался, но марлевый полог упорно не вешал. Наконец не выдержал и закричал:

– Нате... жрите! – сел на спальнике и, сбросив вкладыш, предоставил обнаженную грудь обезумевшей от восторга стае гнуса. Мошкара плотной серой пеленой вмиг облепила его тело. Но кровососы просчитались.

– Получайте, сволочи! – Макс, резко упав на спину, прокатился по спальному мешку. Сотни душ насмерть раздавленных насекомых, так и не успев попробовать ни капли крови, с тонким жалобным писком улетели прямо в рай. Если, конечно, в раю есть гнус.

– Душегуб! – прокомментировал Ник массовое убийство насекомых.

– Разве у комаров есть душа? – Макс достал из рюкзака марлевый полог.

– Душа есть даже у травы! – безапелляционно заявил Ник. – У всего живого есть душа, поэтому оно и живое.

– Ты что же, даже гнус не убиваешь? –

– Я принципиально не хочу никого убивать. А кровососов достаточно выгнать из-под марли. Надеюсь, и вы когданибудь станете людьми, которым невыносимо убийство.

– И какими же мы должны стать людьми, травоядными, – ухмыльнулся Макс.

– Людьми разумными.

Макс натянул полог, залез под него и методично давил залетевших туда комаров. Последнему из оставшихся в живых он прочитал нотацию:

– Зачем ты кусаешься? Ты поступаешь нехорошо! Не делай так больше! – звонкий шлепок завершил краткую мораль и оборвал комариную жизнь.

– Ты еще и садист, – прокомментировал Ник.

– А что я такого сделал? Подумаешь, комара убил. Даже если бы я старался не убивать насекомых, то все равно кого-нибудь случайно раздавлю, например когда иду по лесу.

– А ты к ногам колокольчики привяжи, – посоветовал я.

– Зачем? – не понял Макс.

– Один мужик пришел к попу на исповедь, а к ногам у него привязаны колокольчики, для того чтобы всякая божья тварь – муравьи или букашки – слышали звон и разбегались. Поп восхитился такой набожностью и говорит мужику:

«У такого праведника и грехов-то, наверное, нет».

«Есть грех, батюшка, – отвечает мужик, – я вчера переспал с соседкой».

«Да, это грех, прелюбодеяние, но, я думаю, господь тебе простит. И с колокольчиками ты здорово придумал».

«Батюшка, у меня еще один грех есть, – краснеет мужик, – я вчера и с дочерью соседки переспал».

«Это большой грех, – поп перекрестил мужика, – но ты молись, и господь тебя простит. И потом с колокольчиками ты отличился. Ступай с богом».

«Батюшка, но у меня еще один грех есть, – смущается мужик, – я вчера еще и с матерью соседки переспал».

«Мужик, – возмутился поп, – тебе колокольчики надо на другое место вешать».

Макс заржал в голос. Из соседней палатки послышался сердитый голос начальника:

– Кончайте трепаться, завтра рано вставать!

После завтрака геологиня наметила маршруты. И тут вдруг оказалось, что забытая фляга со спиртом находилась во вьючном ящике с канцелярскими принадлежностями и мы, следовательно, остались без карандашей. По этому поводу с начальником чуть не случилась истерика, так как свалить вину было не на кого. Четыре маршрутные пары и ни одного карандаша; до ближайшего хутора сорок километров, а гидросамолет прилетит только через месяц.

Михлыч потребовал от начальника, чтобы кого-то отправили в поселок и обеспечили его карандашом.

Не трудно было догадаться, что за карандашами отправят меня с Ником. Макс всегда умел отвертеться от неприятного задания. Как мы не любили долбоны – длинные тяжелые маршруты, но прогуляться восемьдесят километров из-за десятка карандашей было унижительно. При этом все остальные будут три дня бездельничать в лагере. Михлыча назначили в пару со мной, и его сильно раздражала перспектива ходить в маршруты радиометристом у студента.

Геофизик Женя вспомнил, что карандаш есть у него в этюднике. В пикетажке у Ника тоже нашелся карандаш. Мы тут же разрезали два карандаша и получили четыре половинки.

Макс заявил, что ему как радисту тоже нужен карандаш – записывать радиogramмы. Наша коротковолновая рация устойчиво работала только в режиме радиотелеграфа. Армейские радисты, с которыми мы общались, показывали свой класс и молотили ключом с такой скоростью, что Макс едва удавалось записывать радиogramму с третьего захода.

В маршруте карандаш нужен был как геологу, так и радиометристу. Все сошлись на том, что резать карандаши дальше бессмысленно, иначе маленький огрызок будет уже не удержать в руке. На время сеансов радиосвязи начальник обещал Максиму давать свой карандаш.

Я нашел выход из положения: аккуратно разрезав свой огрызок пополам, вставил половинки в длинные камышовые трубочки. Получились две очень удобные ручки. Михлыч понял, что дальше кочевряжиться глупо и согласился взять карандаш. Все стали просить сделать им такие же, чтобы

одновременно могли записывать геолог и радиометрист. В результате расплодилось количество маленьких огрызков.

Все очень трепетно относились к своему карандашу. Чтобы легче было затачивать короткий огрызок, я выточил всем ножи до остроты бритвы.

Но кто-то умудрился потерять свой карандаш (я сильно подозревал Макса) и прокатилась серия взаимных краж, в результате чего без карандаша остался Ник. Теперь ему приходилось ждать, когда геофизик Женя, с которым он вместе ходил в маршрут, заполнит свой радиометрический журнал и даст ему записать маршрут. Хитрый Макс на ночь демонстративно прятал свой огрызок карандаша в черную и необыкновенно густую бороду. Проснувшись утром, он сначала панически ошупывал бороду и, только найдя огрызок на месте, успокаивался. Однажды я обнаружил огрызок Макса на брезентовом полу. Вероятно, ночью он вывалился у него из бороды. Несомненно, этот карандаш был украден у Ника. Но Макс вырезал на нем свои инициалы. Как бы мне не хотелось восстановить справедливость, Ник чужой подписанный карандаш ни за что не взял бы. Отдать свой карандаш я не мог, так как он, к сожалению, тоже был подписан. Проснувшись, Макс, сначала обыскал бороду.

– Где? – воскликнул он, растерянно хлопая ладонями по майке и спальнику.

– Кто?

– Карандаш потерялся.

– Он же у тебя в бороде был.

– А сейчас нет!

– Может, ночью случайно проглотил? – предположил я. – Ты сильно кашлял, скажи Ник.

– Отдай немедленно карандаш! – рассердился Макс.

Мне пришлось вернуть ценную находку.

Радиометр должен был оставаться включенным все время маршрута. При движении, когда неудобно смотреть на шкалу, у оператора в наушниках раздавался слабый треск, который усиливался по мере увеличения гаммаактивности. Так на ходу «прослушивался» маршрут, чтобы не пропустить гамма-аномалию.

Мы спустились в низину между двумя холмами. Старое заросшее лесом болото еще пружинило под ногами.

– Активность увеличилась почти в два раза, – сообщил Михлыч, поправляя на голове наушник.

Обычно на заболоченных местах гаммаактивность уменьшалась.

Мы остановились, и каждый записал к себе в дневник про увеличение гаммаактивности. Михлыч поставил на карте точку.

Буквально через пять метров Михлыч, шедший сзади меня, вдруг испуганно вскрикнул. Я обернулся и увидел, что в центре ярко-зеленой кочки торчит голова Михлыча. Прямо как в аттракционе «говорящая голова». Геофизик провалился в землю по самую шею. Я бросился назад и протянул Михлычу молоток. Он схватился за деревянную ручку и с трудом вылез из дыры. По виду он напоминал упыря из русской сказки. От геофизика разило болотной гнилью. Как настоящий инженер, Михлыч первым делом очистил прибор от грязи. Стрелка радиометра зашкалила.

– Ну вот, – пробурчал он, – накрылся, как его тут починишь? Ни паяльника, ни хрена.

– А хрен нужен для припоя? – неудачно пошутил я.

– Смотри-ка, он работает! – Михлыч переключил прибор на вторую шкалу, на которой измерялся более высокий уровень гаммаактивности, – а на первой зашкалил, активность высокая – двести микрорентген!

На урановом месторождении Дальнего Востока такую активность имели урановые охры – окисленная урановая руда, а тут грязный Михлыч.

Наконец, мы обратили внимание на странное место, куда провалился Михлыч. Это была пологая кочка метра три в диаметре и сантиметров двадцать в высоту, густо заросшая свежей ярко-зеленой травкой. В середине зияла черная зловонная дыра.

– Как это вы такую дыру не заметили?

– Никакой дыры не было, просто наступил в середину кочки и, словно в люк, провалился без всякого сопротивления.

– Что же это такое? – я вытер о траву грязную ручку геологического молотка.

Михлыч промолчал, будучи не в силах даже в такой ситуации сказать «не знаю». Он подумал и сунул в черную жижу гильзу прибора.

– Триста микрорентген, и это от воды! – радостно воскликнул геофизик. – Ну-ка, студент, определи природу радиоактивности.

– Уран и радон альфа-излучатели и, даже в больших концентрациях, не могут давать такой гамма-активности в воде, – я судорожно пытался вспомнить что-нибудь, из курса ядерной физики или радиометрии, чтобы не опозориться перед старшим геофизиком, – значит, это, скорее всего, радий, который в миллион раз активней урана.

– Соображаешь! – расщедрился на похвалу Михлыч.

Случайно мы наткнулись на гамма-аномалию.

Михлыч решил сделать радиометрическую карту местности.

– Как же будем измерять, когда от вашей грязной одежды сотня микрорентген?

Мы вернулись к ручью, который недавно перешли, и Михлыч полез мыться и стирать энцефалитный костюм. Я развел костер. Вдвоем мы насухо отжали выстиранную одежду. Михлыч достал из полевой сумки упакованный в герметически закрывающийся полиэтиленовый мешочек журнал радиометрических наблюдений. Вначале я иронизировал по поводу его предосторожности, но старший геофизик оказался прав на все сто. Михлыч это понимал и был горд. Он достал из сумки новый точно такой же пакетик и протянул мне:

– Держи, студент!

Слово «студент» Михлыч специально для меня произносил с особой интонацией, в которой проскальзывали нотки сочувствия моей ущербности и неисправимой безграмотности. Но я не обижался.

– Спасибо, – скромно поблагодарил я.

– Что же это за явление природы, Анатолий? – с видом доцента, повторно экзаменующего нерадивого студента, Михлыч взглянул на меня поверх очков. – Что ты в своем дневнике пишешь?

Из курса гидрогеологии я вспомнил, что это явление напоминает грифон – выход подземной воды на поверхность сосредоточенной струёй. Поднимающаяся кверху вода размывает торфяной слой заросшего болота и образовала заполненную жижой трубу. На месте выхода возникла колония болотной травы, как фильтр процеживающая содержащийся в воде гумус.

Мои соображения не понравились Михлычу, который слово «грифон» даже и не слышал. Старший геофизик авторитетно заявил, что это «микроболото!»

– Зачем же спрашивали, если сами все знаете? – не выдержал я. – Тогда напишите в своем журнале радиометрических наблюдений, что внутри «микроболота» находится «микроокеан».

Михлыч сердито засопел, но спорить не стал.

Мы поспешили в лагерь, так как сегодня была наша очередь дежурить. Готовил, конечно, я, а Михлыч помогал. На первом дежурстве он попытался руководить мной и успел дать несколько советов. Но, увидев, с какой скоростью я шинкую лук, старший геофизик впервые признал моё превосходство.

Мы уже подходили к лагерю, когда послышался гул мотора, и из-за леса показался вертолет с красными звездами на борту. Заметив лагерь, пилот заложил крутой вираж и направил машину прямо на нас.

– Ну-ка, махните летчикам, может водка у них есть? – предложил я Михлычу, и тот, как мальчишка, замахал руками, приглашая вертолет сесть.

Летчики как будто поняли его, вертолет завис и стал опускаться.

– Ну, все, теперь надо платить штраф девятьсот рублей за вынужденную посадку, – подвел я печальный итог.

– Кому платить? – испугался Михлыч.

– Вам, конечно, вы же руками махали.

– Причем тут я, – испугался Михлыч, – это ты мне сказал.

– Подумаешь, сказал. У вас, между прочим, своя голова на плечах есть. Может, я пошутил? Какой с меня спрос – я студент без допуска, вы сами это постоянно твердили.

– Сбегаю в палатку, переоденусь, – нашелся Михлыч.

– Куда вы? – крикнул я ему вслед. – Неужели не интересно узнать, сколько стоит вынужденная посадка вертолета, может и не девятьсот рублей, а меньше. Подумаешь штраф, всего три месяца работы. Вы же говорили, что у вас допуск какой-то особый есть, может, еще половину скостят?

Михлыч скрылся в палатке. Вертолет сел на полянке рядом с лагерем. Я остался стоять у хозяйственной палатки с видом начальника экспедиции. Из вертолета прыгнули на землю двое гражданских мужиков в гражданских костюмах и двое военных. Гражданские подошли ко мне и поздоровались за руку.

– Геологи! – с пронизательным видом определил молодой, кивая на мой молоток. – Что ищете?

Это стандартный вопрос ко всем геологам. Все думают, что геологи обязательно чего-то ищут.

– Всё подряд! – уклончиво ответил я.

Не говорить же им сразу, что мы имеем дело с ураном. Я подозревал, что эти двое гражданских, прилетевшие на военном вертолете в район, куда требовался специальный пропуск, какие-нибудь особисты погранвойск КГБ, и всё о нас и так прекрасно знают. А если не знают, то и обойдутся.

– Карандаш у вас есть? – в лоб спросил я мужиков.

Гости слегка растерялись и похлопали себя по карманам. Тот, что постарше, достал механический карандаш с тонкими сменными стержнями и протянул мне.

– У нас проблема с карандашами. Можно взять на прокат? Через две недели обязательно верну.

– Бери, возвращать не надо – это подарок, – засмеялся старший.

На лацкане его пиджака был приколот значок в виде полотнища красного знамени. Позже Михлыч рассказал мне, что это значок депутата Верховного Совета СССР.

Из палатки вылез Михлыч и, увидев, что идет мирная беседа и штрафом не пахнет, стал рулить к нам. Я не без основания предполагал, что он тут же захватит инициативу в разговоре, и решил задать все вопросы сразу.

– Извините за нескромность, нет ли у вас случайно лишней бутылки водки?

Старший засмеялся еще веселее и обратился к молодому:

– Что, найдем геологам бутылку?

– Найдем! – уверенно ответил молодой.

– Еще что-нибудь нужно? – усмехнулся старший.

– Всё, спасибо. За водку мы заплатим, вы не думайте, – предупредил я.

Старший опять засмеялся и крепко пожал руку подошедшему Михлычу.

– Василий Михайлович, старший геофизик, – представился Михлыч и вопросительно посмотрел на гостя.

– Сенькин, – скромно буркнул тот.

– А по имени отчеству? – спросил Михлыч, явно сомневаясь, есть ли у них допуск.

– Иван Ильич, – добавил Сенькин.

– Товарищ Сенькин – первый секретарь Карельского обкома, депутат Верховного Совета СССР, – вдруг четко представил своего начальника молодой.

– Очень приятно, – Михлыч понял, что допуск у них наверняка есть, и говорить можно открыто.

– Что ищете здесь? – поинтересовался Сенькин.

– Мы оцениваем перспективы этого района на радиоактивное сырьё, – ответил Михлыч. – Обычно в классических урановых провинциях все разновидности горных пород имеют повышенные содержания урана. В этой местности по данным аэрогаммасъёмки установлен высокий фон радиоактивности.

«Грамотно излагает», – отметил я про себя.

– А вас что сюда привело? – поинтересовался Михлыч.

– На сессии Верховного Совета СССР принято решение о разработке Костомукшского месторождения железистых кварцитов вместе с финскими товарищами. Будет здесь город и комбинат.

– Иван Ильич, разрешите сфотографировать вас с геологами на месте будущего города, – испросил разрешения молодой.

Мы встали перед объективом, я с молотком, Михлыч с радиометром, а Сенькин посредине.

Пока Михлыч обсуждал с гостями перспективы экономического развития этого края, я подъехал к летчикам и выпросил у штурмана чехословацкий карандаш Кохинор. Проблема с карандашами была снята с повестки дня.

– Кохинор – один из десяти самых знаменитых бриллиантов, и в переводе с персидского значит «гора света» – сообщил я штурману в благодарность за подарок.

У палатки высокие проблемы были оставлены, и Сенькин толковывал Михлычу, что нашу рыболовную сеть необходимо покрасить корой ольхи, потому что в белые ночи рыба ее видит.

Эту сетку мы купили в складчину по инициативе хозяйственного Макса, который сам и выбирал её в магазине. Продавцы, наверное, потом смеялись до слез, так как ячея у сетки была восемьдесят на восемьдесят. В такую дыру без труда смог бы пролезть средний лещ, если бы он туда

попался. Но это было физически невозможно, так как за месяц нам удалось распутать только четыре метра из двадцати пяти. Маленькие керамические грузила запутали сеть, попадая в большие ячейки. Сенькин посоветовал выбросить поплавки и вместо них поставить длинные берестяные свитки, а грузила разбить и заменить их кольцами из проволоки. Михлыч с умным видом прилежно кивал головой, демонстрируя заинтересованность, хотя с рыбой имел дело только в жареном или вареном виде.

Наконец, Сенькин крепко пожал нам руки. Я скромно ждал, дадут они мне обещанную бутылку или нет. Пошли к вертолёту. Молодой юркнул внутрь и появился с бутылкой «Столичной» в руках. Михлыч обалдел и поднял руки, думая, что это ему сейчас дадут водку. Но молодой кинул бутылку мне и предупредил:

– Денег не надо!

Вертолет улетел.

– Почему тебе дали водку? – немедленно поинтересовался Михлыч.

– Заметили? Я шибко понравился Сенькину! – экспромтом соврал я. – Он даже хотел усыновить меня и приглашал немедленно лететь с ним в Петрозаводск, но вы помешали. А бутылку мне дали как будущему сыну.

– Горло что-то першит, – Михлыч притворно громко кашлянул, отлично понимая, что если бутылку разделить на восьмерых, то получится меньше, чем в классическом варианте «маленькая на троих».

Я понял намек Михлыча, но без Ника и Макса пить ни за что не стал бы.

– Могу налить вам шестьдесят два грамма, – предложил я, – по случаю принятия водных процедур в радиоактивной воде.

– Так не удобно, – сдал назад Михлыч. – Всех подождем, – твердо закончил он.

Первыми из маршрута вернулись начальник и Макс. За ними геологиня с рабочим Юхо. Михлыч рассказал им про визит Сенькина и будущую разработку месторождения. Подошли Женя с Ником, и все сели за стол.

Я выставил на середину бутылку водки, подаренную Сенькиным. Даже Юхо не отказался от рюмки, а Михлыч, после месяца воздержания, вообще закатил глаза от наслаждения.

За обедом начальник рассказал, что в маршруте они с Максом встретили московских геологов, которые стоят лагерем в пятнадцати километрах южнее. Москвичи изучают железистые кварциты Костомукшского месторождения на предмет их золотоносности. Начальник отряда известный колымский золотарь. У второго геолога сын школьник и дочь студентка работают коллекторами.

– Между прочим, у колымского геолога послезавтра день рождения, и он пригласил нас в гости, – сообщил Макс.

Конечно Макса интересовала студентка. И вовсе не с точки зрения ее начитанности. Даже не важно было, красивая она или нет. Макс всегда утверждал, что каждая девушка имеет право любить и быть любимой.

Геологиня Людмила Васильевна, Женя и Ник идти в гости за пятнадцать километров отказались сразу.

– У них выпивки, наверное, всего одна бутылка, – хмыкнул Михлыч.

– Точно, – подтвердил начальник.

Михлыч разочарованно махнул рукой.

– Да, но в ней литр спирта, – ухмыльнулся Макс.

– Тады, ой! – обрадовался Михлыч.

Юхо Ватанен, услышав про халявный спирт, вдруг оживился. Когда Макс нанимал Юхо рабочим, то навел справки у местных жителей. Выяснилось, что

Юхо парень исполнительный, работающий и может не притрагиваться к спиртному целый год, но если уж выпьет, то обязательно поскандалит.

– Вряд ли что-нибудь получится, – охладил Михлыча начальник, – через три дня мы улетаем, послезавтра надо все собрать к отъезду, а завтра последний маршрут.

– Что тут собирать? – Михлыч забеспокоился, что выпивка может сорваться, – после маршрута вечером все соберем, наутро в гости, а вечером уже будем дома. Перед отлетом снимем палатки и упакуем спальные мешки. И все дела.

– Ладно, идите, я останусь. За старшего будет Максим.

Было заметно, что Михлыч слегка обиделся на начальника. Он рассчитывал, что старшим назначат его.

– А что подарим? Сможешь за два дня вырезать из чурбака деревянную поварешку в подарок? – обратился ко мне Макс.

Вообще-то мне не хотелось шагать тридцать километров.

– Деревяшка ерунда, у меня есть кое-что существенное, – Михлыч сбегал в палатку и вернулся с новеньким кожаным несессером. – Немецкий, – пояснил он, – достойный подарок.

Я подумал, что лучше бы последний день отдохнуть в лагере, устроить баню, порыбачить и насолить ведро хариусов.

– Кстати, москвичи обещали истопить баню специально для гостей и дать нам свежей оленины, килограммов десять. Накануне они завалили одомашненного северного оленя с меткой на ухе, зашедшего так далеко на юг, скорее всего, из лопарских тундр. А ты просто обязан идти с гитарой, – Макс почувствовал мои колебания. Компания Михлыча и Юхо его не очень-то устраивала.

– Конечно, – поддержал Михлыч, – нужно обеспечить музыкальное сопровождение праздника.

По инициативе Михлыча готовиться к отъезду стали после маршрута, и к ночи мы практически упаковали все вещи. Утром те, кто собирался в гости, встали рано. Макс разжег костер и повесил над огнем закопченный чайник. Юхо принес из холодильной ямы эмалированное ведро с ухой. Наваристый рыбный бульон застыл как заливное. Решили завтракать холодной ухой. Каждому досталось по большому куску щуки. Напились чаю, перекурили и двинули в путь. Пятнадцать километров мы даже не заметили. Когда до цели осталось четверть километра, остановились и Макс переобулся, сменив кирзачи на ковбойские сапожки на высоком каблуке.

Лагерь москвичей стоял на берегу ламбушки. Около покосившейся от времени баньки, оставшейся от геолого-съемочной партии, стояли на каркасах две выгоревшие брезентовые палатки. Из-под тента над кухней тянуло запахом копченой рыбы.

Москвичи встретили нас радушно. Именинник – седой мужчина – крепко пожал всем руки. Второй геолог оказался ровесником Михлыча. У коптильни возился измазанный сажей мальчишка. Из палатки выпорхнула студентка – высокая привлекательная девушка. Красивое, чуть полноватое лицо украшали миленькие ямочки на щеках. Тельняшка соблазнительно обтягивала девичью грудь. Без сомнения, перед нашим приходом девушка специально переделалась. Комары радостно звенели, впиваясь в ее в белую открытую шею. Макс был приятно удивлен и сразу приосанился, как петух Атос.

Девушка смотрела только на красавца Макса и протянула ему руку. – Юля, – представилась она.

Макс галантно поцеловал ее руку и поинтересовался:

– Хау олд а ю?

– Скоро девятнадцать.

– А пока семнадцать, – охладил ее отец, – и надень штормовку, пока тебя мошка не съела.

– Вечно ты все испортишь, – отчитала девица папашу и расстроенная ушла в палатку.

Крошечная банька топилась по-черному. Камни светились в темноте малиновым светом. Макс выгреб лопатой угли, и мы первыми зашли в парилку. Вода из ковша зашипела на раскаленных камнях. Пар горячей волной захлестнул пространство. Но ветхие стены были плохо проконопачены, и пар быстро выходил.

– Эх, жаль Юлька малолетка, а то я бы с ней попарился. – Макс яростно хлестался сразу двумя вениками. – Да и она, не отказалась бы. Как ты думаешь, а?

– По закону «любить и быть любимой» Юльке еще рано, но зато «хотеть, и быть хотимой» ей никто запретить не может, – я забрался на полок и Макс отдал мне один веник.

Распаренные докрасна, мы выскочили из баньки, и голые побежали к озеру. Юлька на берегу ополаскивала миски и, увидев нас, стыдливо вскрикнула. Мы дружно прыгнули с берега в темную, пахнущую болотом воду. Макс вынырнул и так громко крикнул от удовольствия, что на другом конце озера взлетела испуганная стая уток.

Второй пар нам испортили Юхо с Михлычом, которым скорее хотелось выпить. Они уже сидели в баньке и намылились.

Стол был накрыт на кухне под тентом. В центре стоял таз с большими кусками холодной отварной оленины. Две литровые химические колбы – одна с черничной настойкой, другая с морошковой, придавали столу серьезный лабораторный вид. В эмалированном ведре дымился крепкий мясной бульон. Копченые шуки источали душераздирающий аромат.

Вновь появилась Юлька в тельняшке.

– Сейчас же надень штормовку! – прикрикнул на нее отец.

Когда все уселись за стол, слово взял Михлыч. Он долго и нудно жевал банальные поздравительные фразы, так что даже Юхо заскучал.

Морошковая настойка оказалась очень вкусной, но крепкой и быстро ударила в желудок и в голову.

Макс переглядывался с Юлькой. Мальчишка Генка рассказывал молчаливому Юхо, как он поймал щук. Михлыч пытался начать бесконечный рассказ о своей работе в Германии.

Наконец, отец Юльки попросил новорожденного рассказать какую-нибудь колымскую историю.

Оказалось, что именинник долго работал вместе со знаменитым геологом Билибиным.

Именинник рассказал, как несколько лет назад их вездеход утонул в реке, и все продукты унесло течением. На счастье рация оказалась исправной. Связались с базой экспедиции и заказали сброс. Через три дня, когда геологи уже стали голодать, прилетел АН-2 и сбросил на болото два объемистых тюка. При вскрытии оказалось, что в каждом из них было упаковано по ящику водки и больше ничего. Летчики перепутали и сбросили геологам тюки, предназначавшиеся топографам на юбилей их начальника. Три дня в эфире стояла перебранка из кодовых слов, понятных только посвященным. Геологи постились еще неделю. Зато достаточно было выпить пятьдесят граммов водки,

закусив брусничкой, как голодный человек становился пьяным. Вскоре подошли топографы, принесли продукты и забрали водку.

Юхо в течение всего дня рождения, не произнес ни слова. Он пил, как и все, с виду не хмелел, но постепенно становился угрюмым. Чувствовалось в нем нарастающее раздражение и явное намерение поскандалить. Для начала Юхо кривой ухмылкой сопровождал каждую фразу хозяев или гостей. Затем, ехидно посматривая на окружающих, добавил к усмешке безадресные восклицания типа «Хм!», «Гм!» и глубокомысленное «М...да!». На лице его можно было прочесть: «Умники! Образованность показать хотят».

Макс флиртовал с Юлькой, но выходки Юхо заметил. Он погрозил рабочему кулаком. Глупая ухмылка мгновенно слетела с лица Юхо. Он совершенно трезво посмотрел на Макса и развел руками, как бы оправдываясь: «В чем дело, начальник? Так бы сразу и дышал!».

Собрались домой. Мальчишке Димке очень понравились мои песни, и на прощанье он зачем-то подарил мне небольшой, позеленевший от времени колокольчик, который надевали на шею телятам. Каждому из нас досталось нести килограммов по десять оленины. Макс на прощанье салютовал двумя выстрелами из охотничьего браунинга.

Михлыч бодро шагал впереди, Юхо плелся сзади, а мы с Максом обсуждали день рождения.

Акселерация! – восхищался Макс. – А она учится всего на первом курсе художественного училища.

Сначала рабочий шел сзади и что-то недовольно бубнил. Потом вдруг обогнал нас и свернул с тропы на просеку.

– Эй, ты куда? – остановил его Макс.

– Так быстрее.

– Смотри, заплутаешь!

– Финн в лесу никогда не заблудится, – самодовольно заявил Юхо, и зашагал по просеке.

– Не отпускай его на ночь глядя, – предупредил я Макса.

– Пускай идет, – Макс сел на валежину переодеть сапоги, – пробежит лишних десять верст, глядишь, и дурной запах выветрится.

Подаренный колокольчик позвякивал у меня в рюкзаке при каждом шаге.

– Прекрати звенеть, – остановился Макс.

– Дарю! – я достал из рюкзака колокольчик и протянул Максу.

– Зачем он мне, такой зеленый?

– Надрайшь зубным порошком и повесишь на одно место, чтобы всякая божья тварь, включая насекомых, слышала, что ты идешь, и разбегалась от греха подальше.

– Слишком он большой, – засмеялся Макс.

– Большому кораблю – большая торпеда!

Стемнело, когда мы подошли к лагерю. У костра Михлыч вдвоем с начальником уже распивали бутылку настойки, подаренную москвичами, закусывая холодной отварной олениной. Юхо еще не вернулся.

Мы напились чаю и отправились спать. Ник уже храпел. После выпитой настойки и пятнадцатикилометровой прогулки я уснул прямо на спальнике, едва закрыв полог.

Проснулся от яркого света и решил, что наступило утро. Но это был свет электрического фонаря.

– Где Юхо? – голова начальника торчала из расшнурованного входа в палатку.

– Он свернул на просеку, – Макс прикрыл ладонью глаза от яркого света фонаря, – а я его предупреждал. Его еще нет? Сколько времени?

– Двенадцать. Темно, не видно ни зги. Как можно идти по лесу?

– Заночевал у костра. Хвастался, что финн в лесу не пропадет.

– Завтра в полдень гидросамолет прилетит. Что будем делать, если он не вернется? – начальник был не на шутку встревожен.

– Утро вечера мудренее, – Макс беспечно зевнул, – что гадать.

Начальник тщательно застегнул палатку снаружи.

Утром Юхо не вернулся. Небо хмурилось, и несколько раз принимался накрапывать дождик. Сняли все палатки, кроме нашей. Вещи сложили под кухонный тент.

Михлыч убеждал начальника немедленно радировать в погранотряд о пропаже рабочего, намекая, что Юхо мог свинтить за границу в Финляндию. Начальник осознавал ситуацию, но в панику не ударился. Перед сеансом радиосвязи он устроил совет. Сначала, как и положено, высказались младшие, то есть я с Ником.

– Предлагаю ждать до одиннадцати часов, – заявил Ник, – и если Юхо не вернется, сообщить пограничникам.

Я поддержал Ника. Как ни странно, но все остальные, включая Михлыча, также согласились с ним.

– Поступим так, – твердо заявил начальник, – если рабочий не вернется до первого борта, сообщаем в погранотряд и отправляем Людмилу Васильевну, Женю и большую часть груза первым рейсом. Мы остаемся и организуем поиски вместе с пограничниками. Когда отыщем пропавшего, Максим радирует в авиаотряд и нас заберут вторым рейсом.

В одиннадцать десять на другом берегу озера появилась фигура человека. Он кричал и размахивал руками. Нетрудно было узнать Юхо. Через несколько минут он уже подходил к лагерю. Все толпой встречали его в сердитом молчании. Юхо замедлил шаг и опустил глаза. Энцефалитка на нем была насквозь мокрая от пота, наверное, заблудившись, он бегал всю ночь, пытаясь отыскать лагерь. Я представил себе, как пересохло у него в горле, и налил полную кружку холодного крепкого чая. Прежде чем на рабочего стал орать Михлыч, я протянул Юхо кружку, и все молча ждали, когда он кончит пить.

– Еще! – отдуваясь попросил Юхо.

Пока начальник с Михлычом ругали Юхо, рабочий молчал и смотрел в землю. Ник с Максом бросились снимать нашу палатку. На маленьком костерке я поджарил бифштекс из оленины толщиной в два сантиметра и размером во всю сковородку. Юхо быстро расправился с мясом, запив его чаем. В этот момент послышался звук идущего на посадку гидросамолета.